

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕЛИГИЙ

«ЗАКОН ЗАКОНОМ, А ИСТИННАЯ ВЕРА ОДНА»: ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ НАЧАЛА ХХ В.

А.В. Апанасенок

Кафедра истории и социально-культурного сервиса
Курский государственный технический университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск, Россия, 305003

Статья посвящена истории становления веротерпимости в Российской империи после выхода закона о свободе вероисповедания в 1905 г. Опираясь на факты из прошлого старообрядцев Тамбовской губернии, автор демонстрирует проблемы, встававшие на пути реализации верующими-неконформистами своих гражданских и религиозных прав в предреволюционной российской провинции.

Начало ХХ века ознаменовалось серьезными переменами в жизни Российской империи. Ускорившаяся в это время модернизация серьезно повлияла на политическую, экономическую, социальную сферы жизни общества, предопределила серьезные культурные сдвиги. Одним из важных показателей обновления России стало принятие в 1905 г. закона о свободе вероисповедания. Сам факт появления такого правового акта для страны, в которой религиозное инакомыслие преследовалось на протяжении столетий, был более чем знаменательным. Надежду на уважение и признание получили миллионы подданных российского императора, и в первую очередь — огромное старообрядческое сообщество, веками борвшееся за право незыблемо хранить «веру предков».

Провозглашение веротерпимости действительно должно было многое изменить в жизни старообрядцев. Отступление от господствующей церкви до 1905 г. было связано с лишением ряда гражданских прав и массой неудобств (отрицание законом браков, заключенных вне православной церкви, признание детей от таких браков «незаконнорожденными», запрет занимать общественные и государственные должности и т.д.) (1). Пропаганда или же «внешнее оказательство» «противных» православной церкви учений вообще влекли за собой уголовную ответственность (2). Богослужения «в лесных трущобах», закрытие полицией молитвенных помещений, священники, перевозимые в телегах под стогом сена, аресты настав-

ников — все это типичные сюжеты истории «ревнителей древнего благочестия» в XIX в. (3). К началу XX столетия такое положение вещей в глазах образованных современников стало выглядеть откровенно нелепым, поскольку старообрядческий мир в целом являл собой здоровую с нравственной точки зрения часть общества.

И вот, в 1905—1906 гг. изменился правовой статус, а вместе с ним и условия существования общин староверов. Определила эти перемены ситуация в стране. В 1905 г. из-за нерешенности важнейших государственных вопросов (аграрного, рабочего, национального, вероисповедного и т.д.) и катастрофического хода войны с Японией в России сложилась революционная ситуация, сделавшая невозможным существование прежнего государственного порядка. Правительство вынуждено было вернуться к курсу, начатому в 60-е гг. XIX в., и пойти на проведение преобразований демократического характера. Новые принципы взаимоотношений государства и общества нашли отражение в «Манифесте об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г., обещавшем населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» (4). В соответствии с этими принципами должен был быть решен и вероисповедный вопрос, тем более что в условиях общественно-политического кризиса правительство было заинтересовано в том, чтобы снять оппозиционность многомиллионной старообрядческой массы и заручиться поддержкой промышленного капитала старообрядцев-предпринимателей. Поэтому еще до выхода в свет Манифеста 17 октября был издан Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. (5). В нем признавалось, что «отпадение от православной веры в другое христианское вероучение или исповедание не преследуется по закону». Религиозным обществам старообрядцев присваивалось наименование общин, за ними признавалось право на владение движимым и недвижимым имуществом. За духовными лицами, избираемыми этими общинами для отправления духовных треб, закреплялось наименование настоятелей и наставников, причем лица эти, «по утверждению их в должностях надлежащею правительственной властью», подлежали исключению из мещан или сельских обывателей и освобождению от призыва на действительную военную службу. Отпавшие от православия люди уравнивались в правах с «лицами инославных исповеданий».

17 октября 1906 г. вышел еще один Высочайший Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий» (6). Согласно этому акту старообрядцам предоставлялось свободное исповедание их веры, отправление обрядов и образование религиозных общин для целей религиозных, просветительных и благотворительных. Общины — самоуправляющиеся единицы, с правом юридического лица, имели право на приобретение и отчуждение собственности, на иск и ответ в суде, образование капиталов и т.д. Община могла вести хозяйственные дела и избирать духовных лиц.

Эти законы, названные Николаем II «делом мира и любви» (7), должны были наконец-то решить «старообрядческий вопрос», остро стоявший перед правительством с XVII века. Их практическое воплощение должно было положить начало

«золотому веку» в истории староверия и стало бы серьезным шагом на пути формирования в России правового общества. Однако быстро изменить порядок вещей, существовавший на протяжении столетий, не может ни одна реформа, какой бы востребованной она ни была. Ни господствующая православная церковь, ни русская бюрократия не были готовы к кардинальной ломке взаимоотношений со старообрядческим миром. По этому поводу газета «Русские ведомости» еще в 1905 г. писала: «Бюрократия продолжает свою рутинную работу, и надежды на то, что новые узаконения выведут Россию с пути бесправия и произвола на путь законности и свободы — все лишь иллюзии» (8). «Золотой век истории старообрядчества не был вполне золотым, много в нем было всякого рода примесей: наряду с полученной свободой шли и прогрессивно укреплялись принуждения, насилия и преследования за верования...», — писал о периоде 1905—1917 гг. известный старообрядческий автор Ф.Е. Мельников (9).

Действительно, реализовать в повседневной жизни идеалы веротерпимости оказалось не так уж просто. В первую очередь проблемы могли возникать в «глубинке», т.е. провинциальной России, бюрократический аппарат в которой был более инертным, чем в столице, а население — менее требовательным. Характерным примером тут может стать история регистрации общины старообрядцев в г. Моршанске Тамбовской губернии в 1909—1910 гг. Начавшись как локальный конфликт между местным старообрядческим сообществом и губернской администрацией, она вскоре получила всероссийскую известность и стала предметом разбирательств на правительственном уровне.

С самого начала своего существования уездный город Моршанск был одним из центров староверия на тамбовщине. К началу XX в. здесь было 243 «записных» (т.е. официально зарегистрированных) старообрядца и примерно столько же приверженцев староверия, формально числившихся прихожанами господствующей православной церкви (10). В частности, среди «ревнителей старины» имелось несколько десятков купцов, принадлежность которых к «расколу» местные чиновники «не замечали», имея от этого, вероятно, определенные выгоды. Впрочем, моршанские староверы и сами старались не давать повода для вмешательства в свою религиозную жизнь, строго выполняя все предписания и законы. В 1903 г. местный городничий писал по этому поводу тамбовскому губернатору: «Жизнь они (т.е. старообрядцы — авт.) ведут примерно-похвальную. В продолжение пятилетнего моего служения здесь городничим ни один не был замечен не только в каких-либо проступках, но даже и в шалости» (11).

Мирное, хотя и неравноправное сосуществование местной власти и старообрядцев продолжалось до 1909 г., когда последние решили юридически зарегистрировать свою общину (такая регистрация давала возможность узаконивать браки и рождение детей, не прибегая к услугам господствующей православной церкви, начать строительство большого храма, а главное — стать относительно независимыми от чиновников). В Тамбовское губернское правление (которое должно было автоматически осуществить регистрацию при наличии пятидесяти подписей домохозяев — членов общины) было подано соответствующее заявление. Однако представители администрации после консультаций с руководством Тамбовской

епархии обратились к староверам с неожиданным требованием. Учредители должны были дать подписку следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся ... дали настоящий отзыв помощнику пристава г. Моршанска в том, что воззрения нашей общины на существующий государственный строй, на Царя, власти, войну, собственность и прочее одинаковы и тождественны с господствующей православной религией в России и подписку дали в том, что вышеупомянутые воззрения общины с нашей стороны изменениям подвергаться не будут...» (12).

Естественно, подписаться под таким заявлением наиболее принципиальные староверы не могли, как из-за необходимости оказаться в этом случае «тождественными» официальному православию, так и просто по причине незаконности самого требования чиновников. Отказавшись выполнить его, учредители получили отказ в регистрации, а кроме того уведомление об установлении особого полицейского контроля за их деятельностью. Объясняя «мотивы» поведения своей администрации, тамбовский губернатор писал в Департамент Духовных дел в том же 1909 г. следующее: «... совершенно иначе ставится вопрос в отношении тех старообрядцев или сектантов, которые под покровом дозволяемого законом свободного исповедания своего вероучения стремятся протиснуть в народную массу и при том наиболее крепкую нравственную ее часть яд социалистических учений в различных рационалистических препаратах или растлевающее устои всякого государства и всякой веры толстовство. Говоря так, я, естественно, опираюсь на факты. Они и только они указывают, что на наше православие здесь, на месте, в темных глухих деревнях, на глазах не желающих или не могущих бороться отцов духовных, идет самый серьезный поход. Он кончится несомненной победой потому, что всякая недомолвка закона, всякий недосмотр или невнимательность местной власти — лишняя дорога для врагов к нашему сокровищу — православной вере, а попытка простая и скромная взглянуть во врага трактуется иноверческой и жидовской печатью как насилие над совестью, как посягательство на Царский указ» (13).

Любому непредвзятому наблюдателю рассуждения тамбовского губернатора могли бы показаться довольно странными, поскольку ни одного факта принадлежности моршанских староверов к толстовству, причастности к социализму или к пропаганде безверия он так и не привел. Вероятно, чиновник просто повторял обвинения влиятельного архиепископа Антония, который в пылу полемики со староверами в том же 1909 г. назвал их последователями «нигилистов, дарвинистов, толстовцев и социалистов» (14). Однако Департаменту Духовных дел представленные аргументы показались приемлемыми. Несоответствие действий местной власти духу законов 1905—1906 гг. было очевидно, однако оправдывалось чиновниками и представителями тамбовской епархии соображениями справедливости и целесообразности. В частности, тамбовский преосвященный, комментируя сложившуюся вокруг моршанской старообрядческой общины ситуацию, заявил: «Закон законом, а истинная вера у нас одна. И мы должны оберегать ее всеми силами, не потворствуя отступничеству от Православия» (15).

Возможно, моршанские староверы так и не смогли бы добиться официального статуса для своей общины, если бы среди учредителей не оказалось известного

старообрядческого деятеля Арсения Ивановича Морозова. Богатый фабрикант, владевший крупными фабриками Богородско-Глуховской мануфактуры, Морозов прославился активной поддержкой «древнего благочестия» и широкой благотворительностью (16). Столкнувшись с противодействием тамбовской администрации, он быстро растиражировал информацию о моршанских событиях в прессе, используя либеральные газеты, а также центральный печатный орган старообрядчества — журнал «Церковь» (17). В одной из своих заметок, обращаясь одновременно к представителям православной церкви и светским противникам веротерпимости, он писал: «...мы вовсе не желаем превратиться в покорный материал для сомнительных с подлинно канонической и церковной точки зрения экспериментов антиканонического Синода, в безгласную, бесформенную массу для лепки излюбленных политиканствующей правящей иерархией форм псевдо-церковности, приведшей вас к внешнему и внутреннему краху!» (18).

Кроме того, используя свои связи, Морозов сумел подать докладную записку Председателю Совета Министров П.А. Столыпину с жалобой на действия тамбовской администрации. Характеризуя ситуацию и указывая на незаконность действий чиновников, А.И. Морозов писал: «В обществе и периодической печати часто высказывается недоумение по поводу того, как мало старообрядцы обращаются к благодетельному действию закона 17 октября 1906 г. об образовании общин. Но как же возбуждать ходатайство об учреждении общин, когда та власть, от которой зависит разрешение их — требует неизвестно на каких основаниях подписки о нашей «тождественности» господствующей церкви?». В заключительной части своей записки фабрикант прямо обращался с просьбой к премьер-министру: «Не признаете ли Ваше Превосходительство нужным сделать распоряжение о том, чтобы местные власти, от которых зависит разрешение старообрядческих общин, не предъявляли к учредителям требований, не основанных на законе, и не ставили им затруднений, не совместимых с «делом мира и любви», к обеспечению которого наш Государь Император душевно стремится» (19).

Последующие события показали, что, обратившись к Столыпину, Морозов попал точно в цель. Премьер-министр считал отстаивание законности делом принципа, поэтому отреагировал очень быстро. Через месяц после обращения Морозова тамбовскому губернатору из МВД поступило письмо, в котором указывалось на неправомерность действий местных органов власти. В нем говорилось: «постановление Губернского правления, выраженное в столь резкой форме, особенно в отношении старообрядцев, отнюдь не считающихся элементом неустойчивым ни в политическом, ни в нравственном отношениях, вполне понятно вызывает чувство обиды в их среде и вместе с тем легко может послужить поводом низшим полицейским органам к незаконному вмешательству в дела общины, в том числе и чисто религиозные...» (20).

22 февраля 1910 г. в полицейское управление по месту жительства А.И. Морозова пришло письмо от тамбовского губернатора, в котором тот просил уведомить фабриканта, что им «уже сделано соответствующее распоряжение о скорейшем разрешении Губернским правлением ходатайства» (21). 26 августа 1910 г.

в Моршанске состоялось первое собрание членов Успенской старообрядческой общины, на котором А.И. Морозовым была прочитана копия постановления Губернского правления о ее юридической регистрации (22). А к 1914 г. на одной из центральных улиц Моршанска был построен и освящен старообрядческий храм Успения Пресвятой Богородицы, представлявший собой, по словам тамбовских православных миссионеров, «прекрасное здание, как по внешнему своему виду, так и по внутреннему благоустройству» (23). Освящение храма, проведенное епископом старообрядческой Древлеправославной церкви Кононом «при большом стечении народа», сопровождалось выступлениями множества столичных гостей и было признано столичной старообрядческой прессой «моральной победой староверия над его недоброжелателями» (24).

История регистрации моршанской старообрядческой общины, несмотря на благополучное завершение, дает богатую пищу для размышлений. Можно только предполагать, сколько провинциальных старообрядческих общин, не имевших влиятельных покровителей, не смогло юридически оформить собственное существование и отстаивать свои законные интересы в последнее десятилетие существования Российской империи. Процесс обретения староверами гражданских и религиозных прав де-факто, безусловно, происходил в провинциальной России сложнее, нежели де-юре. В отличие от законодателей, опиравшихся на абстрактные идеи и общее представление о государственной пользе, местные власти руководствовались своим многолетним опытом взаимоотношений со старообрядческим миром, давно сложившимися механизмами воздействия на него, наконец, устоявшейся привычкой видеть в староверах неравноправных членов общества. Закон о свободе вероисповедания отнюдь не стал безусловным руководством к действию для местных чиновников, а благие намерения в верхах власти не всегда находили отклик в ее провинциальных звеньях. Утверждение новых норм происходило медленно, отпавшим от официального православия верующим приходилось бороться как с консерватизмом отдельных чиновников, так и с инерцией провинциального бюрократического аппарата в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: Свод законов Российской империи. — СПб., 1857. — Т. 14. — С. 12—18 (Ст. 75—78).
- (2) Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. — М., 1988. — Т. 6. — С. 217—220.
- (3) См., напр.: *Апанасенок А.В.* «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII — начало XX века. — Курск, 2008. — С. 79—146.
- (4) Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. — М., 1994. — Т. 9. — С. 41.
- (5) Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. — СПб., 1908. — Т. XXV. — Отд. 1. — С. 304.
- (6) Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате за № 245. — СПб., 1906. — С. 178.
- (7) *Мельников Ф.Е.* Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. — Барнаул, 1999. — С. 521.
- (8) *С. М-в.* Официальная веротерпимость // Русские ведомости. — 1905. — № 104.
- (9) *Мельников Ф.Е.* Краткая история... — Барнаул, 1999. — С. 521.
- (10) Отчет о деятельности Тамбовского Епархиального Богородично-Серафимовского миссионерского братства за 1900 год. — Тамбов, 1901. — С. 12—13.

- (11) Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 1579. — Л. 18—19.
- (12) ГАТО. — Ф. 2. — Оп. 131. — Д. 124. — Л. 25—25 об.
- (13) ГАТО. — Ф. 2. — Оп. 131. — Д. 141. — Л. 13 об. — 14.
- (14) См.: *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. — М., 1999. — С. 93.
- (15) Тамбовские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1909. — № 26. — С. 548.
- (16) В одном лишь Богородске и его предместьях после 1905 г. А.И. Морозов построил 4 старообрядческих храма, а во всем Богородском уезде благодаря его стараниям было отстроено и освящено около 15 храмов. Фабрикант выделялся и своим заботливым отношением к рабочим, являвшимся в основном старообрядцами. К началу Первой мировой войны в Глухове сформировался уникальный социально-бытовой комплекс, включавший в себя помимо жилых домов больничный городок, аптеку, школы и училища, церкви, клуб приказчиков, библиотеку, глуховский парк на берегу Черноголовского пруда для отдыха и развлечений работавших на фабриках Морозова людей.
- (17) См. выпуски газет «Утро России» и «Новости» за 1909—1910 гг. и журнала «Церковь» за 1910 г.
- (18) Новости. — 1910. — № 24.
- (19) Церковь. — 1910. — № 13. — С. 342—343.
- (20) ГАТО. — Ф. 2. — Оп. 131. — Д. 124. — Л. 62 об.
- (21) Церковь. — 1910. — № 13. — С. 343.
- (22) Церковь. — 1910. — № 38. — С. 953.
- (23) Отчет о деятельности Тамбовского Епархиального Богородично-Серафимовского миссионерского братства за 1915 г. — Тамбов, 1916. — С. 38.
- (24) Торжества в Моршанске по случаю освящения храма Успения Пресвятой Богородицы // Старообрядческий пастырь. — 1914. — № 5. — С. 47.

**«LAW BY THE LAW BUT THERE IS ONE TRUE FAITH»:
FROM THE HISTORY OF RELIGION TOLERANCE FORMING
IN PROVINCIAL RUSSIA OF EARLY XX CENT.**

A.V. Apanasenok

Department of history and social-cultural service
Kursk State Technical University
50 years of October Str., 94, Kursk, Russia, 305040

The paper is devoted to the history of religion tolerance forming in Russian empire after publication of the religion liberty law in 1905. Based on facts from the past of Old Believers in Tambov province, the author demonstrates the problems of realization of civil and religion claims by nonconformist believers in pre-revolutionary Russian province.